

Эрик Саден

тирания Я
конец общего мира

Эрик Саден

Тирания Я: конец общего мира

«Издательство Ивана Лимбаха»

2021

УДК 821.133.1-96-4 «20» + 101.1:316*312 = 161.1 = 03.133.1
ББК 84.3 (4Фра) 64-46 + 87.6-021 83.3

Саден Э.

Тирания Я: конец общего мира / Э. Саден — «Издательство
Ивана Лимбаха», 2021

ISBN 978-5-89059-509-6

Протесты, демонстрации, беспорядки, забастовки; волнения, неповиновение, осуждения — никогда еще протестная активность не была такой интенсивной. Как мы к этому пришли? Какие обстоятельства вызвали такую ярость в жизни и социальных сетях? Причины бунта связаны с отклонениями от либерализма, избранного в качестве единственной политической модели (усугубление неравенства, ухудшение условий труда, сокращение государственных услуг, политические скандалы...). Но насилие, с которым человечество сталкивается сейчас, беспрецедентно, потому что выражается в новом субъекте: индивиду-тиране. С рождения знакомый с новейшими техническими достижениями, имеющий доступ к интернету, смартфонам и потрясенный цифровой революцией (приложения, дающие ощущение, что мир у наших ног, социальные сети, в которых мое слово стоит всех) этот новый человек верит в то, что он может влиять на ход событий. В своем блестящем эссе Эрик Саден дает трагически справедливый анализ краха нашего общего мира, чтобы переосмыслить условия общественного договора, способного удержать нас вместе. Эрик Саден (р. 1973) — французский писатель и философ, один из ведущих толкователей цифровой цивилизации. Читает лекции по всему миру, книги переведены на несколько языков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-96-4 «20» + 101.1:316*312 = 161.1 = 03.133.1

ББК 84.3 (4Фра) 64-46 + 87.6-021 83.3

ISBN 978-5-89059-509-6

© Саден Э., 2021

© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

Содержание

введение	8
Давид и Голиаф	8
Уму непостижимо	10
Мы в замешательстве	12
Чем кончилась долгая история	13
Курс на личную капитализацию	15
Внезапная легкость бытия	17
Скипетр из стекла и металла	18
Призрачная независимость пополам с субординацией	19
Экспрессивность – новая страсть	21
Пора сводить счета	23
Неуправляемое общество	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эрик Саден

Тирания Я: конец общего мира

Забывать... нет, нельзя, невозможно. Когда-нибудь эти страдания будут взывать об отмищении.

Эмиль Золя. Чрево Парижа¹

Тоталитарные решения могут спокойно пережить падение тоталитарных режимов, превратившись в сильный соблазн, который будет возобновляться всякий раз, когда покажется невозможным смягчить политические и социальные проблемы или ослабить экономические страдания способом, достойным человека.

Ханна Арендт. Истоки тоталитаризма²

Предъявление иска в обществе возможно, только если есть общественный договор.

Юстиниан. Дигесты. XVII, 2.31³

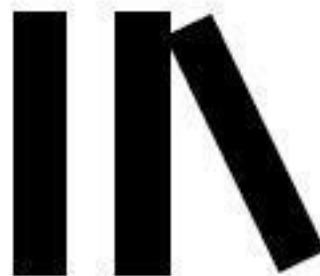
Нет меньшей независимости, чем у свободного гражданина. Свободный гражданин зависим потому, что постоянно действует совместно с согражданами. Из этих совместных действий и может родиться всеобщее благосостояние.

Алексис де Токвиль. Старый порядок и революция⁴

Éric Sadin

l'ère de l'individu tyran
la fin du monde commun

Éditions Grasset & Fasquelle
Paris
2021

Издано при поддержке Программы содействия издательскому делу Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien du Programme d'aide à la publication de l'Institut français

Перевод с французского Анастасии Захаревич

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2021
© А. Б. Захаревич, перевод, 2023
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023
© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

введение

Тоталитаризм множества

Давид и Голиаф

Это было как гром среди ясного неба: вся планета внезапно содрогнулась. В тот день, 28 ноября 2010 года, передовицы пяти крупных ежедневных газет – «Монд», «Нью-Йорк таймс», «Гардиан», «Шпигель» и «Паис» – вышли с заголовками о сенсационном разоблачении. Сообщалось о публикации первой подборки американских секретных военных документов, в основном относящихся к войнам в Ираке и Афганистане, а также дипломатической переписки. Утечка обнаружилась на сайте не из самых посещаемых – WikiLeaks: несколькими годами ранее его основал человек, решивший дать бой всевозможным властным структурам и раскрыть зачастую непрозрачные принципы их деятельности. Он обладает продвинутыми навыками, которые в мире, где уже почти завершена стадия оцифровки информации, позволяют *хакерить* сервера и обеспечивать быстрое распространение похищенных данных в сети. Этот человек – Джулиан Ассанж, австралийский специалист по информатике, ему тридцать девять лет, он проповедует полную прозрачность как в общественных, так и в частных делах, считая это одним из основных рычагов полноценного демократического и свободного общества.

Огласке тогда были преданы многие предосудительные, а порой и незаконные действия, ведь в основу начинания лег постулат: если в какой-либо деятельности применяются конфиденциальные методы, публике следует об этом знать. «Разоблачителя» тут же нарекли пророком нашего времени – еще бы, он умудрился создать инфраструктуру, которая привела в трепет «сильных мира сего», испокон веку пользовавшихся безграничным иммунитетом. В то же время его стали осуждать за наивность и безответственность – дескать, он подвергает опасности людские жизни или мешая действиям, которые для успешного завершения должны совершаться без посторонних глаз. Но, черт возьми, раз уж объявился герой, движимый столь благородными порывами, к чему вдаваться в подробности? Куда лучше влиться в хвалебный хор. Вскоре Соединенные Штаты подали запрос об экстрадиции Ассанжа из места пребывания – Лондона, где в итоге ему удалось укрыться в посольстве Эквадора. Последовало предписание о запрете на хостинг – и тотчас, словно со скоростью света, размножились более двух тысяч «зеркальных» сайтов. Такой ответ означал, что наступила новая эра, в которой будет сложнее, а то и вовсе невозможно воспрепятствовать мгновенному распространению документов по миру.

Стало очевидным, что назад пути нет: теперь один человек или группа людей способны в одиночку потревожить большие общественные институты вплоть до целого государства, в данном случае – первую экономическую и военную державу планеты. Всем нам открылись невиданные ранее возможности. Газета «Монд» назвала Джулиана Ассанжа «человеком года». В свою очередь, «Нью-Йорк таймс», как и журнал «Тайм», предпочли Ассанжу другого молодого человека, которому «дар предвидения» и мастерские навыки программирования помогают точно так же чуть ли не самостоятельно устанавливать новый порядок: двадцатилетнего Марка Цукерберга. Он новоиспеченная знаменитость, основатель так называемой *социальной сети* Facebook⁵, которая на тот момент показывает экспоненциальный рост. Почетный титул ему присвоили через несколько месяцев после того, как, несмотря на весьма юный возраст, он удостоился *байопика* под названием «Социальная сеть» (режиссер Дэвид Финчер, 2010).

⁵ Запрещена в РФ с 21 марта 2022 г.

Замысел Цукерберга состоял в том, чтобы дать людям во всем в мире возможность свободно обмениваться информацией, сообщать ближнему кругу о делах житейских, в той или иной мере личных, говорить с аудиторией на любую тему – было бы желание, или, пользуясь одной из функций, «постить» личные фотографии. Так складывались новые доступные механизмы самовыражения для тех, кто хочет оставаться на виду.

Уму непостижимо

Теперь, когда 2010-е годы позади, пожалуй, можно считать эти два события началом исторического этапа, когда почва все быстрее уходила у нас из-под ног, а ориентиры теряли узнаваемость. *De facto* деление на десятилетия задает произвольный шаг, однако *a posteriori*, когда такой отрезок завершается, он отмечает границу эпохи. В этот период мы день за днем наблюдали за действиями, высказываниями, размышлениями, не соответствовавшими тому, что знали прежде. Следили за скрытыми и порой озадачивающими метаморфозами в манере поведения, образе мыслей, способах самовыражения, но не могли определить их содержание, разве что, регулярно повторяясь, все это стало вызывать удивление, непонимание, если не озабоченность. Ведь теперь не столько крупные общественные структуры примеряли на себя новые одежды, сколько отдельные фигуры, позиции, взгляды – или их отсутствие – явно или неявно принимали необычный вид. Словно неумолимо распространялась атмосфера, сотканная из более или менее очевидных конфликтов, неделикатных поступков, словесного и физического насилия, похожая на ползучий недуг.

Субъективные впечатления вступали в резонанс с общим ходом событий, подтверждавшим масштабные изменения этоса, принципов существования. И хотя дух времени плохо поддавался определению, он все же заявлял о себе через множество фактов, регулярно приводивших нас в замешательство, – а временами и вовсе уму не постижимых, – и перекликавшихся, открыто или подспудно, с самой обычной повседневностью. Мы следили за ростом недоверия к различным властным структурам: политическим деятелям, общественным институтам, международным организациям, «элитам», печатным органам... По всему миру стали заявлять о себе популистские движения, декларируя не столько законную волю народов активнее участвовать в принятии решений касательно их судьбы, сколько отказ от репрезентативной демократии и внезапную любовь к личностям, зачастую привыкшим обличать и сулящим лучшее будущее в случае введения систем, построенных главным образом вокруг их персон. 2010-е годы – время охватившей все пять континентов эпидемии так называемых нелиберальных режимов: в Венгрии, Турции, Польше, Италии, Индии, на Филиппинах, в Бразилии...

Два неожиданных и озадачивающих результата подтвердили, что политический климат поменялся: в июне 2016 года – итог голосования по Брекситу, определивший выход Соединенного Королевства из Европейского союза, а спустя несколько месяцев – избрание Дональда Трампа президентом Соединенных Штатов. Позиции, отличавшиеся принципиальным намерением бросить вызов установившемуся порядку, получили внезапную массовую поддержку. Возможно, этому способствовал все шире распространявшийся дискурс, в котором никого не заботило, подлинны ли факты, а единственной целью высказываний было воспламенить умы. Сложился новый принцип выражения мнения, а точнее – безосновательного утверждения. Возникли понятия «постправда», «фейковая новость», «деза» – их абсурдный вторичный смысл созвучен нашему растущему коллективному недоумению.

Несколькими годами ранее, в 2014-м, на территориях по обе стороны иракско-сирийской границы некто Абу Бакр аль-Багдади самолично провозгласил халифат – Исламское государство⁶. Оно мыслилось как плацдарм для борьбы с пресловутым отклонением от догмы в некоторых мусульманских странах, а еще для борьбы с Западом, обвиняемым в том, что он проповедует нечестивый образ жизни, так что должен наконец заплатить за унижения, которым подверг многие некогда колонизированные народы. Вскоре влияние этой сущности, действовавшей главным образом через интернет, привело к целому ряду массовых терактов, – в основ-

⁶ Международная террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

ном осуществленных одиночками, – в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии и Соединенных Штатах.

Эти потрясения происходили на фоне небывалого расцвета космополитизма, охватившего планету. Отдельные люди и группы, для которых повседневными источниками информации становились «альтернативные» сайты и видеоролики, вообразили, будто теперь им известны подлинные факты и связанные с ними механизмы – как противоположность слаженному «официальному» дискурсу, обеспечивающему сохранение «логики доминирования». Одновременно вновь напомнил о себе антисемитизм, причем как в своих исторических формах – с извечными стереотипами, сетованиями на засилье евреев в финансовой сфере или приписыванием им планов организованных манипуляций в различных целях, так и в совершенно новых – вместо субъективных ощущений, о которых обычно молчат, антисемитизм стал принимать яркое словесное выражение, непосредственное или завуалированное, сделавшись повсеместным.

Мы в замешательстве

Все эти явления, ставшие едва ли не обыденной чертой времени, не перестают порождать поток рассуждений, комментариев, статей и книг, отражающих разную степень неуверенности их авторов. Растерянность плодит слова. Первая реакция – обозначить крах неолиберализма, ставшего за эти без малого полвека основным кредо большинства стран, и рассмотреть все порожденные им пагубные последствия: растущее неравенство, повсеместную нестабильность, отход от идеи государства всеобщего благосостояния и принципа солидарности. Вспоминаем, как теряют доверие политические деятели, не справившиеся со своей задачей – заботиться прежде всего об умножении общественной пользы. Оглядываемся на губительные последствия финансового кризиса 2008 года и ущерб, частный и коллективный, который он причинил. Отмечаем обилие хаотичных потоков мигрантов по всему миру, особенно в Европе, на протяжении 2010-х годов, и как результат, изоляционизм и неприятие. Говорим о ставшем глобальным осознании экологической катастрофы, климатических изменений, смертельно опасного загрязнения среды, преступного применения пестицидов, и все эти факты свидетельствуют о безответственном попустительстве, если не сказать – сговоре, давно уже действующем между правителями и миром финансов. Безусловно, вместе все эти и многие другие события посеяли в гражданах недоверие, которое в дальнейшем только росло. Но было трудно угадать, во что выльется каждый из таких случаев, а тем более связать воедино все, что может пролить на них свет, постичь то, что в конечном счете будоражит столь прихотливое современное сознание. Как сказал Макиавелли, «неопределенность времен рождает хаос в умах».

И вот в полном смятении мы силимся отыскать исторические аналогии. Говорим о «возврате в 1930-е». Доходим до того, что поспешное и поверхностное сравнение явлений, разделенных примерно столетием, становится нормой. Такие методы еще больше все запутывают, мешают уловить совершенно уникальную суть нашего настоящего. Мы неустанно пытаемся увидеть нечто содержательное в каскаде событий, но не можем извлечь всю соль, понять, из какого они теста. Не то чтобы, преуспев в этом и исполнившись лучших побуждений, мы могли бы рассчитывать, что исправим порядок вещей. Зато, на худой конец, без ретуши взглянули бы на то, с чем сейчас столкнулись. Мы не перестаем констатировать, но никак не научимся выделять ядро, очаг, который следует распознать. Что действительно нужно сделать в ответ на всю эту бессмысленную прозу и отдельные бесполезные методы, так это *подняться на ступень выше*. А значит, не считать эти процессы чем-то внешним по отношению к нам, – как будто это губительный и неопределенный субстрат нашего мира, – но видеть, что процессами этими управляет множество сил, полагающих, что у них теперь совсем иной статус, и стремящихся об этом заявить. Ведь в 2010-х годах, – кардинально изменив и наше представление о себе, и исторически сложившийся уклад совместного существования, – явился *современный индивид в новом качестве*.

Чем кончилась долгая история

Этос, о котором мы будем говорить, полноценно оформился не так давно, но важно, что его появление лишь завершает процесс, начавшийся в далеком прошлом: ему более двух веков, и он берет начало в философской и политической доктрине, сформировавшей, в особенности на Западе, наши традиции и культуру, – речь идет о *либеральном индивидуализме*. Течение, зародившееся в самом начале XVIII века и познавшее теоретический взлет в эпоху Просвещения, должно было отразить чаяния тех, кто стремится избавиться от гнета, способствовать выражению личного мнения и утвердить принцип независимости внутри общества, призванного поставить во главу угла правовое равенство и умножение общественной пользы. Но вот парадокс – или, скорее, сущностный недостаток данного направления мысли: начатое на заре XIX века применение этих правил внутри крупных промышленных держав вскоре привело к разрастанию вопиющего неравенства, повсеместному ухудшению условий труда, хроническому обнищанию. Сколько явлений, бесконечно порождающих – по крайней мере, у большинства – жестокое ощущение разрыва между изначальным, казалось бы, светлым посулом и повседневной реальностью жизни! А вдобавок – острые столкновения, политические и общественные конфликты, регулярные возмущения и все чаще разделяемое чувство, что хваленое равенство недостижимо для большинства.

И все же гораздо позже, когда позади осталась Вторая мировая со всеми ее страданиями и зверствами, возрождение либеральных демократий сопровождалось убежденностью: если свобода личности теперь как никогда становится главной аксиомой, значит, законные потребности каждого и всеобщее единство придут наконец в гармоничное равновесие. В будущем такие режимы обещали быть одновременно гарантом защиты индивида, частной инициативы и экономического роста, результатом чего станет счастливое процветание, несущее пользу всей общности. Для этого основное внимание уделили механизмам единомыслия и развитости общественных служб. Однако с течением десятилетий – из-за совокупного давления идеологических сил, частных интересов и периодически повторяющихся кризисов – эти принципы стали постепенно утрачивать свое наполнение, а параллельно складывались все более рабские условия труда и жесточайшая конкуренция среди тех, кого в середине 1970-х осчастливили начавшейся делегацией промышленных предприятий и вытекающими отсюда массовыми увольнениями. Настал час горького разочарования, когда общественный договор у нас на глазах перестал служить фундаментальной опорой и пошел трещинами, обусловив недоверие к политикам, которое впоследствии будет только расти. Эта рана, в своем роде первая коллективная травма, не забылась и оставила след на несколько поколений вперед, так что около полувека спустя мы обнаружим, что он неизгладим и служит благодатной почвой, на которой обильно множатся все обиды будущего.

Однако после падения Берлинской стены в 1989 году, – словно наступило прозрение, – у этой идейно-политической линии под звуки фанфар вновь проявилось тяготение к своему изначальному духу и стремление обрести второе дыхание. Оно открылось на волне «конца истории», когда оказалось, что противостояние диаметрально разнящихся моделей цивилизации и впустую потраченных военных бюджетов сделалось пережитком и теперь уступает место строю, обещающему примирение и всеобщее благоденствие, – *социальному либерализму*. Казалось бы, победил обновленный общественный договор. Конфликт между свободной частной инициативой и поиском оптимального коллективного интереса исчерпан благодаря справедливому отчуждению материальных ценностей, произведенных ради общей пользы. Чем не логичная идея на фоне крушения государств, проповедовавших коллективизм и планирование, как и всех ответвлений и крайностей, обусловленных необузданным взлетом неолиберализма,

наблюдавшимся долгие годы? Но в действительности время было упущено. И этот период стал поворотным: именно тогда выкристаллизовался двойной феномен, плавно вырабатывавшийся десятилетиями. Почти бесповоротная утрата доверия в отношении политических высказываний и тогда еще достаточно незаметный *разрыв* между индивидом и обществом. Так начался – и длится по сей день, – долгий этап постоянного и все ускоряющегося отклонения от паритета.

Курс на личную капитализацию

К началу 1990-х годов кое-что меняется: складывается, хотя открыто о себе еще не заявляет, своего рода *системный приоритет индивида над общим порядком*. Характерно, что тенденция развивалась из добровольного приятия логики, прежде утверждавшейся извне. В основном она действовала в менеджменте, который на рубеже 1980-х понемногу избавился от нормативных схем, низводящих наемных работников до уровня простых исполнителей, и переориентировался, взяв курс на поощрение их «креативности» в расчете на двойную пользу: постоянную самоотдачу и личную ответственность в случае низких результатов. Теперь, когда эти принципы вышли на первый план, казалось, что они отвечают некоей правде времени, и даже далеко за рамками работы наше существование – куда как менее обусловленное – должно протекать под знаком беспрепятственного проявления талантов и стремления к личной самостоятельности. С этой точки зрения позитивная – на тот момент – фигура частного предпринимателя, способного в одиночку, благодаря смелости и упорству, невзирая на риски достичь независимости в той или иной форме, начинала восприниматься – осознанно или неосознанно – как пример хозяина собственной судьбы.

Именно тогда стал популярным образ индивида, представляющего собой едва ли не носителя сверхспособностей, готового совершить любой подвиг и пошатнуть порядок вещей. Например, без сопровождения пересечь на гребной лодке Тихий океан, как это сделал отважный Жерар д'Абовиль, которому мужество и сила рук помогли в 1991 году добраться от японских берегов до Калифорнии. Или научиться выполнять магические трюки, как иллюзионист-гуру Дэвид Копперфильд, чтобы все готовы были поверить, будто их автор благодаря левитации переносится с одного края Большого каньона на другой. Тогда же объявилось яркое соцветие бесчисленных знаменитостей, чье ремесло прежде не привлекало большого внимания. Теперь рок-звезд или икон кино почти символично вытеснили создатели предприятий, дошло до восхваления их «провидческого гения» – в первых рядах оказались Билл Гейтс и Стив Джобс, раньше всех осознавшие широту возможностей, которые несет персональный компьютер. Как и архитекторы – Рем Колхас⁷, автор вышедшего в 1995 году и имевшего огромный успех сборника нереализованных проектов «S, M, L, XL»⁸, или Фрэнк Гери, чей музей Гугенхайма в Бильбао, открытый в 1997 году, с его текучими очертаниями и сверкающими поверхностями, стал предметом тысяч статей и репортажей. Это же касается и дизайнеров, таких как, например, Филипп Старк⁹, модельеров, поваров, кондитеров, садовников, виноделов, появлявшихся на обложках журналов по всему миру. Обозначилась тенденция к героизации отдельных персон, оказавшихся на высшей ступени пьедестала почета, – притом что в их статусе не было ничего необычного и он казался потенциально достижимым для всех, будучи результатом самореализации и отражая успех человека в обществе.

Мир предстал вдруг «гладким», дающим неограниченные возможности современнымномадам, жаждущим предугадать любую удачную возможность, следуя весьма модной тогда философии желаний. Особенно тому ее варианту, который был изложен Жилем Делёзом, чьи труды стали библией для студентов школ искусств и маркетинга, мечтающих повторить все «линии ускользания», ведущие к благосостоянию и просветлению. Либеральный индивидуа-

⁷ Рем Колхас (Remment Koolhaas, р. 1944) – видный голландский архитектор, основатель архитектурного бюро ОМА; среди реализованных проектов – здание Центральной библиотеки Сиэтла и Штаб-квартира Центрального телевидения Китая. Был консультантом Эрмитажа в связи с реконструкцией Главного штаба.

⁸ Koolhaas R. et Mau B. S, M, L, X. New York: The Monacelli Press, 1995.

⁹ Филипп Старк (Philippe Starck, р. 1949) – французский промышленный дизайнер, дизайнер интерьеров и товаров серийного производства.

лизм как политический проект, двумя веками ранее направленный на освобождение людей, окончательно превратился в иной этос: неудержимую погоню за собственной уникальностью с единственной целью отмежеваться от толпы, что теперь рассматривалось как решающее конкурентное преимущество. И так – из высказываний, образов, всевозможных средств подачи, а порой из отдельных будничных эпизодов – выкристаллизовался дух времени, в котором каждый полагает, будто наделен почти безбрежной силой, мнит себя первой инстанцией в этом новом мире, которому впредь быть усеянным россыпью звезд, сияющих одна другой ярче.

Внезапная легкость бытия

Субъективное ощущение, будто сила воли и неограниченное самовыражение открывают невиданный путь к большей самостоятельности и независимости, резко обострилось, когда два ключевых события привели к историческому перелому: на пороге нового тысячелетия одновременно появились интернет и мобильный телефон. И все больше людей со своих личных компьютеров стали обращаться к неуклонно растущему объему данных, тогда в основном текстовых, и обмениваться между собой – невзирая на расстояния – сообщениями за символическую плату. Эти же люди получили возможность общаться устно без привязки к какому-либо определенному месту и радоваться свободе, оставаясь – в теории – на связи с близкими, знакомыми, продолжая профессиональные контакты, где бы они в этот момент ни оказались. Независимость от местонахождения резко увеличивала степень автономности в повседневной жизни и – что, возможно, еще важнее – позволяла ощутить избавление от лишнего груза.

На все сомнения, вопросы и проявления любопытства стали обнаруживаться более или менее точные ответы или целые пласты подходящих сведений – с помощью запросов, сформулированных через поисковые системы. Так, в 1998 году заработал Google – поисковик, наделенный, казалось, даром высшей интуиции и способный, словно по волшебству, мгновенно находить нужные документы в глубинах этой «александрийской библиотеки» с постоянно пополняемыми фондами. С миром возникла связь нового типа, вскоре ставшая привычной, – для нее характерно упрощение некоторых задач и возможность моментально выяснить множество фактов, отчего неизбежно кажется, будто нам добавили сноровки. Через несколько лет появление Web 2.0 позволит не просто уединяться перед экраном в роли наблюдателя за информационными потоками, а выражать себя, к примеру, в блогах или оставлять комментарии под публикациями в прессе и – с возникновением вышеупомянутых «социальных сетей» – высказывать свое мнение, афишировать отдельные эпизоды собственной жизни, обычно получая одобряющие и ободряющие отзывы.

Скипетр из стекла и металла

В 2007 году появился смартфон – и обострилось чувство, что он облегчает нам жизнь и расширяет независимость. Поразительная новизна инструмента заключалась в трех совершенно оригинальных свойствах. Во-первых, теоретически девайс позволил непрерывно поддерживать пространственно-временную связь. Во-вторых, он предложил тактильный интерфейс, моментально реагирующий на наши команды, внушая тайное удовольствие от подчинения малейшему мановению руки. Наконец, в нем были приложения, которые станут нашими своеобразными проводниками в повседневной жизни – все более предусмотрительными: начнет казаться, что о нас постоянно заботятся всевозможные инстанции, и в то же время мы все комфортнее чувствуем себя в самых разных ситуациях. Ведь связь с реальностью – да и самовосприятие – выглядят совсем по-иному, когда мы заказываем товары или услуги, предложенные лично нам, когда вся музыка на свете у нас под рукой и нас просят высказать мнение – и оно станет достоянием общественности – о том или ином ресторане или отеле, особо отметить какие-либо места или людей, а еще когда мы проводим подушечкой пальца по лицам в приложении знакомств и «свайпим»: вправо – тех, с кем хотим пообщаться, влево – тех, кто нас не впечатлил, или когда после нескольких прикосновений указательным пальцем к экрану водитель на «седане» почти моментально приезжает к нашему дому. Все это множество цифровых устройств, проникнутых общим духом, – надо признать, что мы недооценили их вклад в своего рода непрерывный «апгрейд» нашей жизни, – и регулярное их использование незаметно привели к тому, что довольно быстро, причем в масштабе планеты, возникла *новая психология индивидов, вообразивших, будто внезапно им стало подвластно гораздо больше.*

Призрачная независимость пополам с субординацией

Ситуация драматичная и абсурдная: именно тогда, когда люди – во многом поддавшись иллюзиям – сочли, что в такой форме обретают беспрецедентную независимость, все они медленно, но верно оказались в сетях логики, которая на тот момент с трудом поддавалась пониманию, и теперь те же устройства открывали возможность анализировать поведение своих владельцев – в целях безопасности и маркетинга. Кроме того, цифровая и платформенная экономика – которую символически воплощает созданная в 2009 году компания *Uber* – не только сделала уязвимыми многие существующие профессии, но и отказала в подобающем статусе некоторым категориям поставщиков услуг, заставив их при этом подчиниться принципам дисциплины нового типа с применением вычислительных алгоритмов, действующих удаленно и в реальном времени. Таковы многочисленные предприятия так называемой индустрии 4.0, и среди них – *Amazon*, внедривший на своих складах способы менеджмента, низводящие изготовителей до уровня роботов из плоти и крови, которые должны реагировать на сигналы систем, созданных, чтобы давать правильную команду на основе практики, не учитывающей их субъективный взгляд и презирующей достоинство, а благодарить за это надо нового идола нашего времени, призванного оптимизировать все сферы общества и сохранять их пластичность, – искусственный интеллект.

Эти цифровые «инновации», которые на протяжении 2010-х годов будут завораживать планету и повсюду приветствоваться, есть основной вектор двойного феномена, с одной стороны, создающего видимость суверенитета, а с другой – ведущего к безоговорочному подчинению гетерономным правилам и утрате самоуважения. Словно претворился в жизнь процесс «накопления путем отчуждения»¹⁰, описанный географом Дэвидом Харви, только теперь, внутри новой диалектики, он требовал третьей составляющей: подчинения людей вследствие накопления капитала, порождающего как тревожное ощущение усиления контроля, так и наблюдаемые в различных повседневных ситуациях постоянные колебания между состояниями неудовлетворенности и удовлетворенности, недовольства и восхищения собой.

Дело в том, что на рубеже 2010-х годов начнет формироваться и накапливаться совершенно новый опыт: *самоотчуждение*¹¹ в сочетании с чувством упрочения власти над отдельными сторонами жизни. С одной стороны – осознание, что мы себе не принадлежим, что на нас постоянно давит работа и приходится сталкиваться со все более сложными и ненадежными ситуациями, с трудом сводить концы с концами, наблюдать дальнейшее обострение неравенства, ослабление государственных служб и отход от принципа солидарности, а с другой – тот факт, что мы вооружены технологиями, которые облегчают существование, открывают непосредственный доступ к информации, дают возможность высказывать свое мнение, устанавливать контакты между людьми и вселяют чувство расширенной самостоятельности, – этот знакомый большинству разрыв собственно и характеризует наше нынешнее индивидуальное и коллективное состояние. Как не ощутить вулканический дух, который этим конфликтом, подобной дихотомией только нагнетается?

В этом смысле мы переживаем *импловивный поворот*¹². Острое и широко распространенное восприятие несправедливостей, пережитых, как мы полагаем, в далеком прошлом, оживляет в нас твердое намерение не сидеть сложа руки, своеобразно подогреваемое тем, что теперь

¹⁰ Harvey D. Géographie de la domination. Paris: Les Prairies ordinaires, 2008.

¹¹ То есть невозможность принадлежать себе.

¹² Термин «импловизия» (направленный внутрь взрыв, схлопывание) применительно к обществу одним из первых использовал канадский философ Маршалл Маклюэн (1911–1980), автор концепции «глобальной деревни», до масштабов которой сжимается современный мир в результате применения электронных средств коммуникации.

в нашем распоряжении целый технический арсенал, который словно расширяет пространство для маневра и часто помогает поддерживать избыточную связь с миром. Мы живем в эпоху массового кипения – *воспламенения души*. Век нынешний по любому поводу подогревает в нас стремление поквитаться с жестокой судьбой и насладиться эфемерным, но без конца вспыхивающим вновь возбуждением от примененных с пользой для себя новых форм власти. Эта тяга прежде всего проявляется в едва сдерживаемой потребности высказываться во всеуслышание.

Экспрессивность – новая страсть

Новые атрибуты, по-видимому, помогают справляться с подобными болезненными ситуациями, в каком-то смысле служат им противовесом. Несмотря на разочарования, подавленность, гнев, нечто все-таки не дает нам остаться с пустыми руками и расцветивает – так, во всяком случае, нам кажется – обычный ход нашей жизни. Человеческая психология достаточно подвижна – и изворотлива, – она всюду находит лазейки, питает себя фантазиями, приспособливает «протезы», поддерживающие в нас мысль, что в конце концов мы остаемся хозяевами собственной судьбы, как и эту неизбывную жажду – при первой возможности попасть в свое королевство «замещения». Сегодня всем нам хватает способов, чтобы увериться: мы в силах наверстать упущенное, компенсировать промахи и неудачи, причем не только благодаря системам, готовым подчинить реальность нашим желаниям, ведь у нас есть большее, мы можем необузданно предаваться новой страсти наших дней – *экспрессивности*. Это она позволяет нам в той или иной мере приукрасить себя в глазах других, снискать одобрение, толком ничего не сказав, выставить себя напоказ, дабы обозначить исключительность своего существования, а может, в порыве злобы или ярости заклеить чей-то профессиональный опыт, отношения, еще что-нибудь подобное и даже больше – мировой порядок. Выручает нас теперь особая практика: *индивидуальное или универсальное применение приемов, обладающих катарсическими свойствами*. Вот что нескончаемо культивируется – до пресыщения и *ad nauseam*¹³, – и отсюда впечатление, что, как бы ни повернулась жизнь и сколь бы суровой ни была реальность, кое-что всегда можно сделать: состряпать рассказ о своей жизни, чаще всего хвалебный, проявить гнев, вызванный людьми или ситуацией, длительной или преходящей, тайно или явно отомстить за все пережитые унижения, испытать краткое облегчение и каждый раз, как после мессы, на какое-то время остаться с чистым сердцем.

Следует понимать, в чем сегодня важность катарсиса, достигать которого экономико-технический мир научился, умело выработав нужные инструменты. Но одновременно – формируя как условия производства, так и образ жизни – мир этот порождает голод по компенсаторным приемам. Дело не в том, что пар только-только стали выпускать, а до этого многие поколения были вынуждены жить в немоте. Просто катарсис заменяла самая разная деятельность: семейная жизнь, досуг, потребление, да и в другие периоды потребность в нем, видимо, не была такой острой. Каждый договаривался с уязвимостью бытия и несправедливостью как мог. Теперь же экспрессивность играет решающую роль: люди ищут своего рода одобрения и, чтобы заявить о собственной уникальности, пытаются ловчить и выставляют себя напоказ – что является полной противоположно-стью субъективации; экспрессивность понимается как реапроприация поступков, которые мы совершаем в жизни, и безразлична к тщеславной публичности.

Опыта как такового сегодня недостаточно. Он почти всегда – в реальном времени – должен воспроизводиться на письме, иначе его сочтут слишком бедным. Только так, через огласку, он словно обретает истинную ценность, начинает казаться значимым и как будто берет реванш за тяготы судьбы. Вот она, всепоглощающая страсть нашего времени, но более вероятно – невроз. Мы имеем дело не столько с раздутым эго, с типичным нарциссизмом – такой взгляд стал уже общим местом, – сколько с новыми установками, когда люди, чья жизнь, как правило, ограничена неудобными и жесткими рамками, получают рычаги, чтобы без усталости, осознанно или нет, изгонять те фрустрации, которые им многократно пришлось испытать.

¹³ До тошноты (*лат.*).

Всем, независимо от личных обстоятельств, случалось ощутить опьянение восторгом. Не перед лицом лидера и не под влиянием пропагандистских речей, а соприкасаясь с техникой, обольщающей новообретенными формами личной власти и внушающей чувство, будто каким-то чудесным образом мы выступаем совсем в ином статусе в глазах других – в противоположность так хорошо знакомой социальной невидимости. В этом смысле за пару десятков лет мы перешли из «эпохи *аксеса*»¹⁴ в «эпоху *эксцесса*». В частности, из-за распространившейся практики публичного выражения своих взглядов посредством девайсов, что позволяет высвобождать гнев или денно и нощно, хоть и тщетно, выступать против определенного порядка вещей. Такие форматы только укрепляют нас в собственных убеждениях и обостряют межличностные конфликты, они порождены иллюзией политической вовлеченности, поскольку чаще всего воплощаются вне любого конкретного участия в общих делах, а в итоге – чистая совесть и удовлетворенное тщеславие.

¹⁴ То есть «эпохи доступа». В оригинале – лексическая игра, построенная на созвучии слов *accès* — доступ и *excès* – излишество, избыток. Вероятно, отсылка к исследованиям американского философа и экономиста Джереми Рифкина (р. 1945) и его книге «Эпоха доступа» (*The Age Of Access*), опубликованной в 2000 г.

Пора сводить счета

Характерная черта рубежа нынешнего десятилетия в том, что для многих из нас главный авторитет, с которым мы сверяем свои решения, к которому обращаемся почти по любому поводу, – это *я сам*. «Я» как первоисточник – и часто последняя инстанция – истины. Как субъективность, ставшая эдакой Атлантидой, – хотя сама она и не скрыта от нас, происходящее в ней всегда трактуется через призму ее собственной логики, обусловленной как значительным подрывом доверия к общественному договору, так и настойчивым желанием впредь не глупить. Словно мы проживаем кульминацию динамических процессов, действовавших на протяжении полувека, пока складывалась необходимость все больше полагаться на себя и появлялись новые формы обособления, чтобы в результате сегодня – вольно или невольно – примерить их к нашему сознанию. Черту под дальнейшим *разъединением* отдельного человека и общего целого подведут 2010-е годы. Подобный раскол впервые в истории возникает между индивидами и производным их судеб, вместе взятых, – назовем это пока так, – состоящим из рассказов, форм представления, воображаемого, обычаев, образа жизни, правил и законов, служащих фундаментом для совместного существования.

С этого момента по принципу противовеса стали устанавливаться связи между людьми, которые чувствуют себя ущемленными внутри различных групп, что поддерживало эстафету солидарности и защищало всевозможные особые интересы. В силу этого появились новые типы требований, касающиеся не всех и призванные удовлетворить конгрегации, которые полагают, что претерпели или продолжают терпеть несправедливость, и теперь – по-хорошему или по-плохому – намерены добиться возмещения. Недоверие к режимам, которые, казалось, на протяжении поколений благоволили лишь меньшинству, породило веру в то, что спасение принесет совместная борьба, люди все больше уверялись, что лучше поддерживать клановые отношения, чем общий порядок – последний решительно отвергается, поскольку всегда воспроизводит одни и те же схемы, которые считаются несправедливыми.

Наверное, мы только сейчас начинаем понимать, что сформировалась индивидуальная и коллективная память из напластований, скопившихся за минувшие полстолетия, несущая отпечатки вопиющей несправедливости и предательств, – и теперь достигла пограничного состояния, *стадии предельной сатурации*. Значительная часть населения не хочет попадаться на удочку и, больше того, намерена самостоятельно воздать за все по заслугам: «Страстная ненависть выжидает, чтобы глубоко укорениться и все припомнить своему противнику»¹⁵. Таким образом, мы убеждаемся, что пресловутый дух времени отмечен не столько волей к позитивному влиянию на ход вещей, к благому изменению множества ситуаций, сколько resentmentом, импульсивной потребностью ввязаться в драку, любой ценой поквитаться с органами власти и – берите выше – с мировым порядком. Вот так, в тщетных попытках компенсации, могут совершаться все более неприглядные действия, хула не знает границ, люди участвуют в распространении ненавистнических высказываний, чему часто способствуют вуалирующие приемы, или же, например, общественные блага растаскиваются под предлогом, что их распределение якобы не отвечает интересам определенных групп.

Тогда может совершиться даже убийство – и не в силу рокового стечения обстоятельств, как это издавна бывало, не из стремления получить выгоду или свести счета: достаточно того, что попавшие под прицел кажутся частью некоей системы, а может, их принадлежность или образ жизни не совпадают с представлениями другого индивида о норме, и за это в условиях

¹⁵ Kant E. Anthropologie du point de vue pragmatique. Vrin, 2009. P. 195 (первое издание – 1798). (Цит. по: Каут И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7: Антропология с прагматической точки зрения. С. 285. Пер. М. Левиной. Примеч. пер.)

школы, университета, места для культа или увеселений они платят, подвергаясь расправе. Это действия нового типа, которые даже могут быть сняты на видео их организаторами и показаны в прямом эфире, чтобы стать в глазах остальных свидетельством того, что их наконец услышали и их взгляд на вещи возобладал. Таким образом, складывающееся положение связано для нас не только со стиранием общих ориентиров, но и с *вопросом насилия*. Этот тип насилия – вербального, материального, физического, – со специфическими пружинами, оправдывают те, кто его применяет, стремясь самостоятельно вершить правосудие, в качестве реакции на циничное, как они считают, безразличие общества, столкнувшегося с истинным злом, которое его разлагает.

Неуправляемое общество

Сегодня мы обнаруживаем, что существует два типа ресентимента в отношении текущей социальной и политической обстановки. Один нам уже знаком и задан прежде всего коллективным началом, духом времени, сложился из смутного недовольства, зло для него – в повседневных трудностях, переживаемых многими, в проявлениях неравенства, в порядке вещей, который в итоге приходится пассивно терпеть. Этим латентным состоянием, подавляемым с большим или меньшим успехом в зависимости от сиюминутных обстоятельств, всегда пользуются, в некоторые эпохи – чрезмерно, политические силы, заинтересованные в том, чтобы посредством специальных риторических и пропагандистских инструментов его раздуть, в том, чтобы стимулировать чувство локтя между всеми существами, утратившими иллюзии, обозначить мобилизующий их круг общих интересов. Второй тип возник совсем недавно и носит скорее сугубо индивидуальный – а точнее, *интимный и обособленный характер*, – поскольку ресентиментные чувства испытывают субъекты, не только глубоко разочарованные и бесконечно страдающие, но и пребывающие в непосредственной связи с историческим моментом, который, десятилетие за десятилетием, будет давать столь значительный негативный опыт, что мера досады и горечи в подавляющем большинстве умов лишит их веры в какой бы то ни было коллективный проект, и они обратятся только к самим себе, не питая ложных надежд на возможные совместные перспективы. Можно сказать, что сейчас время *персонального ресентимента, изолированного и исключительного одновременно, который вместе с тем проявляется с большим размахом*. Под знаком всего этого практически незаметно образовался и ширится разрыв между резко меняющимся положением индивидов – отмеченных опытом лишения и иллюзией собственной изолированности, – и органами власти, структуры которой в общем и целом не поменялись.

При этом с недавних пор мы следим за тем, как возникает совершенно новое явление – *перманентно неуправляемое* государство. Толпы заявляют о твердой решимости избавиться от управления на давно устаревших началах, не пасовать, опуская руки перед обстоятельствами, держать власть на раскаленных углях, которые в любой момент могут воспламениться под влиянием все более решительных и частых протестов, – все это так характерно для начала десятилетия. Между тем недоверие проявляется и к так называемым внесистемным и отмежевавшимся сторонам: мы ошибемся, предположив, будто это они преимущественно формируют «банки гнева», по выражению Петера Слотердайка¹⁶, понимаемые прежде всего как субъективные аффекты, на которых лежит плотный налет памяти о страданиях и предательствах, в частности, по вине стольких представительных или промежуточных инстанций, – и этот опыт выплескивается наружу, чтобы никто другой не попытался стать его рупором. Напротив, мы живем в эпоху, когда люди – все более массово – выступают в некотором роде банкирами собственного гнева.

Такова эпоха индивида-тирана, тирания Я, – складывается цивилизация с совершенно новыми условиями, когда постепенно убирается любая общая основа, а на ее месте вырастает муравейник, в котором все снуют кто куда, полагая, что они – единственный правильный пример для подражания и доминируют по праву. Как будто за двадцать лет сочетание предполагаемой горизонтализации сетей и всплеска либеральной логики при воспевании «личной ответственности» привело к атомизации субъектов, неспособных устанавливать конструктивные и прочные связи, к тому, что на первый план выходят требования, основанные прежде

¹⁶ См.: Sloterdijk P. *Colère et Temps*. Paris: Libella-Maren Sell, 2007.

всего на их частных биографиях и обстоятельствах. Образуется новая политическая категория – точнее, *аполитичная* – в том смысле, что проистекает из отрицания самой политики, начало которой Ханна Арендт справедливо выводит из плюрализма существования, предполагающего выражение различий и требующего неустанных усилий для переговоров ради достижения возможности согласия по разным вопросам. Такое положение аполитично вдвойне, поскольку его основное русло зависит не от осмысленного плана, а скорее определяется органическим началом, которое никак не оговорено, опирается на особую форму изоляции индивидов и устанавливает, часто произвольно и не направленно, то, что мы могли бы назвать «тоталитаризмом множества».

Термин «тоталитаризм», которым, как мы знаем, следует пользоваться с осторожностью, можно понимать так, как трактует его Ханна Арендт в книге «Истоки тоталитаризма»¹⁷, – это общая ситуация, внутри которой не выделяется ни один узнаваемый ориентир, где сознательно создается постоянная нестабильность, а некоторые стремления, не находя препятствий, приводят в движение маховик хаоса, что влечет за собой отсутствие личной безопасности и распад социальных структур. Не то чтобы мы сегодня непосредственно сталкиваемся с такими явлениями, но если склонность индивидов воспринимать себя как нечто более или менее замкнутое, сосредоточенное на собственной системе взглядов и предназначенное в первую очередь для продвижения персональной точки зрения будет встречаться все чаще, усиливаться и становиться обычным делом, это вполне может привести к различным формам *аномии*. Это понятие, введенное Эмилем Дюркгеймом, обозначает дезорганизацию целого, дезинтеграцию социальных связей как следствие подрыва общих основ. И тогда может наступить новый тоталитаризм – такой, каким его еще не видели. Он больше не будет заведомо организован сверху, чтобы осуществить продуманный план и утолить жажду власти некоего клана, – его в каком-то смысле установят снизу: все начнут говорить на непонятном вавилонском языке, в результате исчезнет пространство, где есть взаимопонимание, а различия и всевозможные столкновения неизбежно станут множиться.

Подобный «возмущенный дух» времени, который – имея мало общего с гипотетическим и в достаточной степени фантазматичным «миром после», который, по мнению некоторых, уже со дня на день примет более справедливый и менее разрушительный облик, – должен, вероятно, прийти в еще большее напряжение вследствие пандемии COVID-19. Ведь уже практически ясно, что чудовищный экономический кризис, грядущий во всем мире, приведет к банкротству многочисленных предприятий, а значит, массовым увольнениям, падению государственных доходов, ухудшению условий жизни и, как следствие, к крайней нестабильности вместе с обнищанием населения. Эта ситуация будет развиваться на фоне беспрецедентной информированности, широких возможностей для коммуникаций, выражения недовольства, злости и гнева, констатации факта, что, несмотря на бесконечные обещания и очередные попытки новых начинаний, все только обостряется. Недовольство и накал страстей в обществе подогреваются со всех сторон, и это может оказаться таким же непредсказуемым, как и неуправляемость коронавируса, который масштабом и внезапностью последствий застал нас врасплох и словно поразил молнией.

¹⁷ *Arendt H. Les Origines du totalitarisme. Le Système totalitaire. Paris: Seuil, 1998 (первое издание – 1951).*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.